

РАССКАЗЫ

КОРОЛЬ И ШУТ: ПАРАДИГМЫ ВРЕМЕНИ

«Похороны — это торжественное предание тела земле, когда душа давно уже отлетала в иной мир. И чем значительнее был человек, тем торжественнее его проводы с этого света на тот. Телу совершенно уже все равно, зато как радуется душа на том свете! Хотя чего ей радоваться? У нее уже совершенно другая жизнь, и ей нет никакого дела до наших пока еще земных дел...»

Примерно об этом думал король, провожая своего первого министра — старого герцога Z, который верой и правдой служил еще его деду, затем отцу, а уже после и ему самому. Уходила целая великая историческая эпоха. Плеяда великих политиков. Время безжалостно поглощало всех, кто имел силу и правил на этой земле.

— Скучно мы все равно живем... — тяжело вздыхая, сетовал король на свое ничемное правление. — Вот у других королей все есть: и войны, и государственные перевороты, и мятежи, и эпидемии, и наводнения, и даже привидения в их старинных замках... У меня же одна только серая скукота... Только и могу, что одну панихиду организовать... Курам на смех!

Король окинул взором уже опустевший поминальный стол, за которым к тому времени остались всего лишь несколько засидевшихся придворных да его верный шут, выполнявший при его особе роль доверенного лица по особо важным (самым щепетильным) вопросам.

— От шута останутся его шутки, а от меня только скучное имя да порядковый номер в длинном генеалогическом списке здешних королей... — подытожил король свои горестные размышления.

Уловив причину печали своего патрона, шут подсел к нему и предложил:

— А ты закажи какому-нибудь историку написать правильную историю своего правления...

— Правильную?! Это как? — переспросил его король. — Я сам могу ее написать. В ней будет только одно десять тысяч раз повторенное слово: «СКУКА»... «СКУКА»... «СКУКА»... А в скуке, уверяю тебя, нет ничего интересного... Это фатум! Куда ты отсюда с земли этой денешься?!

— Но «правильное» вовсе не значит, что оно действительно правдиво... — поправил его шут.

— Это как?

— Ты помнишь, что было год тому назад в этот самый день? — задал ему каверзный вопрос шут.

Павел Леонидович Вялков родился в 1966 году в Астрахани. Выпускник исторического факультета Астраханского государственного университета. Преподаватель, профессор, доктор философских наук.

— Ну, что было? — Король хотел ответить с ходу на этот, как ему показалось, простой вопрос, но, к своему немалому удивлению, понял, что не может вспомнить. — Что было? А что-то вообще было?

— Вот именно... — многозначительно намекает ему на фальсификацию шут. — Никто не помнит. Зато если кто-то что-то об этом напишет, все будут знать, что это написанное было именно так, а не иначе... И попробуй потом докажи, что в клетке сидит носорог, а не слон, если слона назвали носорогом...

Слова шута глубоко засели в душе короля, и спустя некоторое время он вновь вернулся к этой теме.

В один из вечеров между королем и шутом состоялся такой диалог:

Король. Я вот в некоторых хрониках прочитал, как это было у других — «время правления такого-то короля», «эпоха такого-то правителя».

Шут. Это хорошо, что Ваше Величество умеет читать. Но этого недостаточно для того, чтобы правильно понимать прочитанное...

Король. Надо создать модель идеального правителя, который бы стал образцом для подражания для всех...

Шут. У каждого времени ест свой аромат, свой определенный шарм... Давай вначале определимся, чего мы хотим от своего времени. Ты думаешь, исторические личности действовали просто так, по своему хотению? Не... Своими действиями они пытались найти логические основания своего существования.

Король. Мы тоже пытаемся повернуть время в свою сторону.

Шут. Ну, и чего тебе еще надо?

Король. Величия!

Шут. Хорошо, я его тебе дам. Сейчас сяду и напишу, что ты был великим правителем и тебе не было равных... — Король поморщился. — Что опять не так?

Король. Хотелось бы достоверности, а не лести...

Шут. Будет тебе и достоверность! Будет тебе и лесть! — заверил его главный шутник его королевства. — Без них никак не обойтись...

— То, что мы ищем, называется «парадигмой времени»... — научно объяснил им вызванный для консультации профессор местного университета, большой знаток схоластики и метафизики. — Мы пытаемся придать времени некий смысл, создать некую его форму. Историческое время зависит от наших о нем представлений. Как вы, Ваше Величество, представляете себе свое время?

— Оно должно быть по форме легким и веселым, а по содержанию серьезным и глубокомысленным... — отвечал за короля шут.

— Мы уже обращались к одному святому монаху, чтобы он написал нам историю нашего времени... — поделился с ученым своими тревогами король. — Но он написал историю, больше похожую на панихиду: ее читать нормальному человеку просто невозможно, они сплошные молитвы, заупокойные мессы и реквиемы... — Король многозначительно перекрестился. — Затем мы пригласили драматурга из нашего местного театра... Но он написал комедию, которую тоже без слез смеха нельзя было читать... В общем, нам надо что-то среднее между этими двумя крайностями...

— Для нас стало очевидным, — продолжил его мысль шут, — что ни монастырский святоша, ни балаганный писатель для этой роли не подходит... Решили вот обратиться к вам, самому ученому мужу нашего королевства, да к тому же в прошлом, как я знаю, вы были военным, прошедшим огонь и воду и почти добравшимся до медных труб...

— Н... да... Медных труб мне не видать как своих ушей... — согласился с ним профессор, почесывая свою густую черную шевелюру. — Проклятые завистники отобрали

у меня славу и почет... Пришлось выйти в отставку и начать заниматься наукой... — и вздохнув, печально подумал. — И все мои успехи в науке что слезы комара...

— Напиши-ка ты нам, братец, интересную историю, чтобы ее можно было как роман читать и чтоб возникало желание ее вновь и вновь перечитывать... — сформулировал ему госзадание шут. — Сюжеты я тебе подскажу... Их у меня тьма-тьмушая...

Король поморщил нос:

— Мне хочется чего-нибудь эдакого, чего ни у кого еще никогда до этого не было и чтобы никогда и в будущем после меня ни у кого не будет... Но то, что у вас, мне кажется весьма простым и банальным...

На этот раз тяжело вздохнул уже сам ученый:

— Посмотрите на меня! Я уже давно взрослый мальчик. Профессор... Без пяти минут практически римский папа, а в политической жизни так ничего и не понял... Чего можно ожидать от такого человека?! Правильно — только одни фантазии... Чем я успешно и занимаюсь...

Король призадумался...

— Если бы вы только знали, — продолжал далее развивать свои мысли профессор, — сколько поносного другие короли насочиняли о себе и своих врагах, вы бы меня наградили титулом самого правдивого историка всех времен и народов... Божок политики — мелкий бес, выдающий себя за выдающуюся силу, помыкающую всеми. Вот он и сейчас затесался между нами и гонит свою вражду, разводя нас по разные стороны исторической баррикады... Если мы ему поддадимся, то — погибли; а если нет — он станет нашим всеобщим посмешищем... Вам решать, что выбирать... Я бы выбрал второе... Умным людям что делить между собою?

Сидящий на подоконнике шут обратился к ручному ворону:

— Меня как городского обывателя удивляет в их диалоге то, что они спокойно обсуждают темы и вопросы столь скверного характера и при этом ничуть не краснеют. И ведь самое главное — правда глаза им не колет. Все «божья роса»!

Две недели новый придворный историк в поте лица трудился над историей царствования великого и могучего короля, который обещал ему щедро заплатить за его эпохальный труд. И вот когда его мозг начал дымиться от серной кислоты лжи и поносной глупости, он почувствовал, как умирает его совесть. И все, что им было после этого начертано на пергаменте, стало ее торжественными похоронами.

Чернильная история! Пишут чернилами, а расплачиваются кровью.

Профессор озабоченно почесал в своей густой черной шевелюре. С некоторых пор у него на голове стали образовываться какие-то шишки. И чем больше он врал в своей «правдивой истории», тем больше они у него чесались.

— Неверно говорят, что историю пишет победитель! — размышлял на досуге профессор. — Историю пишут те, кто ее переписывает в угоду своим великим идеям... В политике одно зло неизменно побеждает другое зло. Добро здесь вообще даже и рядом не стояло...

Под его окнами буйно цвела акация, и вся комната была пропитана терпким ее ароматом. Но радоваться жизнью у него не получалось. Душу разрывала черная тоска, которую он старался излить на бумаге. Но бумага не принимала пропитанные его желчью чернила, которые быстро выцветали и становились еле различимыми.

И он решил начать свою историю с эпохального во всех отношениях события:

«4 444 000 год до н. э. На Земле сошлись две силы — темная и светлая. Силы зла и силы добра. Темную силу представляли семь демонов. Светлую силу — семь ангелов.

Битва их длилась на Земле сорок долгих лет. Они крушили горы и обрушивали на головы своих врагов моря, жгли огнем и морозили свирепой стужей. И вот ког-

да силы их были уже на исходе, они сошлись в последний свой бой, решив победить или умереть...»

Что было дальше, он пока еще не придумал, но начало было многообещающим в своем невероятном продолжении...

* * *

— Мне приснился сон... — признался своему единственному другу король. — Ко мне явился апостол Павел и посетовал на то, что в раю не осталось ни одного приличного политика... По секрету он добавил, что и из ада тоже удалили всех грешников, занимавшихся на Земле этим гнусным ремеслом по причине их архискверного характера... Этим злодеям нет даже места и в аду...

— По всей видимости, — попытался интерпретировать его сновидения шут, — рай и ад уже переполнены. Мест нет. Ожидается уплотнение, поэтому было принято решение политиков больше на тот свет не пускать, пускай скитаются по этому миру в виде привидений...

— А я это понял иначе. Я это понял так, что и на том свете политики продолжили себя вести, как и на этом, то есть со всеми ругаться и всех натравливать на всех. За что и были вышвырнуты одновременно и из рая, и из ада в бесконечную неизвестность...

— Все наши земные неприятности проистекают из наших глупостей... — резюмировал профессор. — Как Богу смотреть на нас и не плеватьсь?!

Король поморщил нос, вспомнив, как на протяжении всей весны вороны гадили ему на голову, когда он выходил гулять в сад.

«Это все было неспроста... — печально подумал он. — Это знак свыше...»

Профессор почесал свою густую черную шевелюру.

Озадаченный профессор засунул мизинец себе в ухо и стал нервно выковыривать забившуюся в нем серу...

— Ну а это что такое? — продолжал далее листать страницы своей истории король. — Здесь я якобы объявил войну соседу, обвинив его в том, что он повинен в том, что на Солнце появились какие-то пятна... Вопрос: зачем настолько демонизировать своего врага, возвеличивая его до самого Солнца? Если он такой всемогущественный, то, что ему стоит раздавить меня, как вонючую вошь?

— Это аллегория... — попытался было объяснить природу своей фантазии писака.

— Нет, это уже паранойя! — сам поставил диагноз монарх. — И вы, сударь, пытаетесь меня в этом замазать...

Автор попытался отстоять свой текст, но король вновь осадил его:

— Мне непонятен еще и вот этот момент: «В следующем году он разгромил войско ужасных вестготов и на глазах своих солдат надругался над поверженной королевой противника...» Какая-то нелепость, глупость... Что я сделал с «поверженной королевой»? Надругался?! Бесовщина какая-то...

— Это такой стиль истории... — пожал плечами профессор.

В глубине душе он давно хотел поквитаться со своими недругами, которые путем гнусных интриг и заговоров лишили его карьеры военного. Поэтому все одержанные генералами победы он приписал королю, который всегда действовал под его чутким руководством.

Тот, кто лжет, выжигает свою душу изнутри.

— Я поломал на этом тексте весь свой язык! — сам себе признался профессор, просматривая страницы написанной им «Истории». — Но за язык я не переживаю. Он всегда оказывается сильнее нашей глупости.

Король вспомнил, как однажды он решил устроить «тихую забастовку» и в течение недели не подписывал никаких указов, которые министры приносили ему ежедневно на подпись. И что? И ничего! Мир не рухнул. Небеса не обрушились. Все было как всегда, а может быть, где-то даже и лучше.

«Вообще, — подумалось тогда ему, — я самая бесполезная фигура на свете... Церемониальное место... Декорация к какому-то спектаклю... Не будь меня, и мир был бы намного лучше... Не будь моих вечно грызущихся друг с другом министров, и воздух был бы чище...»

И вот теперь эти горестные для него воспоминания нахлынули на него, опечалили сердце и подавили волю.

Глядя на профессора, явно метящего на должность министра пропаганды, он неожиданно поймал себя на мысли:

«Вот подонок! Жаль, что его мама родила!»

Политики соревнуются с фантазиями своих противников. Они плохо понимают, что реальное, а что фантазийное. Они последнее принимают за первое.

Затем к королю из темноты мрачного коридора, по которому бродили в полночь его великие царственные предки, пришел его тайный советник — главный аналитик по политическим делам. Он его призывал только в самых исключительных случаях. Советник деловито достал картишки и разложил их веером в несколько рядов. По всему выходили дальняя дорога и какие-то казенные хлопоты.

— Моя бабка была цыганкой, — со знанием дела говаривал он всем, кому гадал по политической проблематике, — поэтому никогда не ошибалась! — И ведь действительно он часто попадал в точку: тыкал пальцем в небо наугад, и небо повисало на кончике его пальца, пронзенное насквозь....

* * *

В один из дней короля накрыла меланхолия.

— Чем занимаешься? — осторожно поинтересовался у него шут.

— Вспоминаю позорные страницы своей жизни... — признался король. — В последнее время они стали что-то слишком часто меня сами посещать...

— И тебе за них, судя по всему, все еще стыдно?

— Да... Очень... Стыдно за то, что сестре кнопку на стул подкладывал; стыдно, что тетушке слабительного подсыпал в чай, а она в отместку траванула свою старшую сестру; стыдно, что писал в вазу с цветами своей мамане... Но самое главное — мучил кошек за то, что они съели мою любимую мышку...

— Пока ты подкладывал кнопки, твой дед казнил заговорщиков, среди которых были его ближайшие друзья и дальние родственники... — припомнил что-то из прошлого шут. — Когда прочищал желудок своей вредоносной тетушке, вокруг бушевала чума... А когда писал в вазу с цветами, твоя мамаша делала рога твоему папаше... Все занимались каким-то конкретным делом и не ныли... Только так и можно достойно войти в историю... За нашими спинами творится порой куда более интересная история, чем видят наши глаза...

— А что насчет несчастной мышки?

— Судьба у нее была такая... Она оказалась не в то время и не в том месте...

— А сами мы в том ли правильном месте и в том ли верном времени?

Шуту осталось только развести руками...

Король опять опечалился, но долго грустить ему не дал его шут, который ворвался в залу с диким воплем:

Шут. Спасайтесь, Ваше Величество! Бунт. Народ восстал...

Король. Гм, а я и не знал, что у меня есть народ! И чего он хочет?

Шут. То, чего у него нет — хлеба и справедливости!

Король. Так этого и у меня тоже нет!

Шут. Все равно бежим, сейчас не время разбираться, кто прав, а кто виноват. Сейчас надо срочно спасать мой зад и твою шею!

В зал врываются улюлюкающие толпы горожан и крестьян. Король и шут успевают подземным ходом покинуть дворец и очутиться за городом. Через день выясняется, что шут все напутал и никакого восстания не было, а был масленичный карнавал, и народ просто веселился. Но королю уже не до веселья — он узнал, что такое суровая действительность, и она ему совсем не понравилась. Было скверно, но зато теперь есть что вспомнить, хотя и не хочется этого вспоминать.

Шут (*пожимая плечами*). Экзистенция, мать ее!

Король. Да пошел ты к такой-то матери...

Шут. А что ты хочешь? Нервы вконец расшатались...

Сработало одно старинное правило войны: «*Стадо баранов во главе со львом побеждают стадо львов, возглавляемых бараном*». Но кто здесь был бараном, а кто львом, установить было крайне сложно. Поэтому все запаниковали. Все пришли в состоянии бараньего перевозбуждения. Наступил «праздник глупости». Предел «день дурака».

Его величество возвращается на покинутый трон и находит помятую корону. Политика — суровая штука, когда мнутся короны. Хорошо, что она не слетела с головы, хотя теперь сидит на ней весьма криво.

— Зато теперь у нас есть достоверные следы истории, — иронически замечает шут, намекая на вмятины на короне.

Король. Мне еще два зуба выбили в трактире...

Шут. А не надо было ввязываться в пьяную драку на неправильной стороне истории...

Король. Но я — король! Значит, я должен был быть прав...

Шут. Да, но во время карнавала всегда прав бобовый король! Он потому так и зовется «бобовым», что его выбирает в короли обыкновенный боб... Кому боб достался, тот и король. Твой личный «боб» достался тебе при твоём рождении... Ты вытащил счастливый билет...

Король. Но что-то счастья я в себе не наблюдаю...

Его Величество все больше ощущал, что Небеса за что-то наказали его одиночеством. Все дистанцировалось от него, отгораживаясь непреодолимой стеной отчуждения. А он? А он, собственно говоря, особо и не стремился к преодолению этого отчуждения и вскоре понял, что власть требует одиночества.

У монарха участились перепады в настроении. И он качался на этих качелях, еще не понимая, что они начали его разрушать изнутри. Как показывает политическая история, за восторженным политическим писком всегда приходит тяжелая пора похмелья и отрезвления.

С каждым днем король все больше разочаровывался в своей затее с написанием героической истории своего славного правления. Однако хитрый шут его подбадривал и соблазнял надеждою на скорое завершение этого эпохального труда.

— Повседневность отличается обыденностью и скукотой! — рассуждал шут, поправляя свой разноцветный колпак. — И только неординарное яркое событие, выбивающееся из этой серой массы, заслуживает того, чтобы быть признанным историческим фактом.

— Но как разобраться в этом потоке информации? — посетовал правитель. — Как понять, где тут правда, а где ложь?!

— По-моему, здесь есть простое правило: важно знать не только все свое собственное дерьмо, но и не принимать чужое за совершенство...

— Например...

— Например: я каждый день стираю свой шутовской колпак, чтобы избавиться от старых шуток... А ты когда в последний раз чистил свою корону?

— Никогда... — задумался король. — Не царское это дело...

— И я тоже не обязан стирать свой колпак... Но ты попробуй... Чайная сода — отличное средство в полировке семейных ценностей...

Вызванный для консультации геральдмейстер не нашел в этом занятии нарушения придворного этикета, и король впервые в своей жизни увидел чайную соду. Попробовал... Понравилось... Увлёкся...

— Никто из моих предков этого не делал... — с гордостью констатировал король, любясь блеском своей золотой короны. — Я первый и единственный в своем роде... Неужели я нашел себя? Неужели это смысл моего правления? Быть «Блестящим»! Быть «Сияющим»! Хоть какая-то видимость порядка в моем королевстве...

То, что ему писали мудрецы в качестве вариантов его официальной истории, ему было и чуждо, и непонятно и все раздражало и отталкивало. Но одно он прекрасно начал для себя понимать — то, что все эти мудрецы утверждали, было всего лишь суета сует и томленьё духа. Правду утверждает человек, Истину — Бог...

— Есть сила правды, и есть правда силы, — объяснил ему его придворный шутник. — Какой стратегии мы будем придерживаться?

— Мы на стороне сильной правды... — меланхолически отвечал король.

Короля уже давно томили темные силы одиночества, ибо он уже прекрасно понял, что трон — это его приговор к вечному одиночеству.

— Лучше давай введем должность министра здравого смысла... — предложил шут. — Перейдем от сказочного к реальному...

— Устал я от его этой лжи... — захлопнув рукопись, которую принес ему профессор, посетовал король. — Я не хочу быть куклой этого колдуна!

— А ты его казни! — предложил неожиданное решение проблемы шут. — От лжи разрушаются царства... Не дай ему себя разрушить...

Король отмахнулся от него как от назойливой мухи.

Шут торжественно снял с себя свой дурацкий колпак и торжественно объявил:

— За измену Родине приговорен...

И неотвратимое колесо правосудия закрутилось с безжалостной скоростью и с чудовищным бюрократическим скрипом...

* * *

В один из дней король сидел в детской и показывал своим отпрыскам кукольный театр. К его пальцам были привязаны красные нитки, другой конец которых был закреплен на деревянных куклах. Как правило, он всегда импровизировал, рассказывая детишкам различные сказки, но в этот раз он решил затронуть политическую тему и рассказать им о том, как трудно королю управлять королевством. Тяжелая королевская доля действительно была для него неподъемным обременительным грузом.

«Вот так и меня самого мои многочисленные министры и советники незримо держат за веревочки и направляют то в ту, то в эту сторону... — думал он о себе и своей

незавидной судьбе. — Всем всегда чего-то от меня надо... Все через меня обдeldывают свои какие-то грязные делишки... А ведь потом не отмоешься...»

Взглянув на своих наследников, он многозначительно им сказал:

— Запомните, дети, вы не должны быть куклами, вы должны быть сами кукловодами... Научитесь правильно играть с живыми куклами — и вы станете великими правителями...

Стоявший за его спиной шут положил свою тяжелую руку ему на плечо и одобритeльно проговорил:

— Правильно... Настоящий политик искусству управления должен начинать учиться с детства, а законы политологии обязан постигать еще в утробе матери...

«Вот и мой персональный кукловод...» — даже не пытаясь на него взглянуть, подумал король.

— Правда, — многозначительно добавил тут же шут, — мальчикам до пятидесяти необязательно знать, как устроено государство и как функционирует власть... Это вредно для их еще не окрепшей психики...

Дети расплакались и стали требовать шоколада.

— Манипуляторы! — буркнул в их сторону король. — Вечно из меня веревки выют...

Выслушав опасения короля относительно политического театра марионеток, шут вспомнил давнюю историю своей студенческой шальной молодости, когда они с друзьями (в числе которых был и тогдашний принц, нынешний король) дурачились и веселились, устраивая шумные пивные фестивали.

— А ты вспомни, как мы дурачились на коронации твоего дяди?! — напомнил он Его Величеству. — Вспомни, как я тогда переоделся в черного монаха и, надвинув на лицо остроконечный капюшон рясы, с косой в руках просто прошелся «легкой тенью» по дальнему коридору аббатства, где происходила эта его коронация и что с ним потом было...

— Да, я помню, как он тогда побледнел, увидев «призрака с косой» и как его затем всего трясло... — вспомнил король невинные забавы своей юности. — Я сам тогда, если бы не знал, в чем дело, сошел бы от страха с ума...

— Твой дядя так потом и поступил... — подхватил его воспоминания шут. — Я только спустя годы узнал, что эту идею нам тогда подкинул твой папаша, который сам метил занять трон своего отца и брата... — Шут сложил губы бантиком и симитировал ими творческую деятельность пятой точки. Получилось весьма выразительно и многозначительно: — Так что в тот момент мы с тобой были безвольными марионетками, которыми ловко руководили опытные кукловоды...

«В политике, — думал как-то на досуге король, рассматривая намалеванные на стенах своего дворца фрески с изображением своих предков, — все зависит от того, как ты носишь корону: если надвинув на глаза, то у тебя сомнения в твоём будущем, если прямо на макушке, то ты уверен в своём настоящем, а ежели на затылке, то у тебя все уже в прошлом... У меня она всегда почему-то оказывается криво (висит на ушах), значит, дела идут недолжным образом...» — поставил он сам себе неутешительный диагноз.

* * *

Ожидая прихода палача, приговоренный к четвертованию профессор сидел в самом мрачном тюремном каземате на старом табурете в ожидании прихода цирюльника. И он явился к нему в лице шута, несшего на плече тяжелый рашпиль.

— Какие новости? — спросил вошедшего осужденный.

- В королевстве кризис... В магазинах закончилась чайная сода...
 - Что так?
 - Король каждый день начищает до блеска свою корону... — объяснил шут. — Если дело так пойдет дальше, через десять лет от нее останется дырка от бублика...
 - А это что у тебя в руках?
 - Последняя милость короля... — указывая на рашпиль, объявил ему шут. — Ты готов? — спросил он его, перекладывая рашпиль со своего плеча на его плечо.
 - Всегда готов... — с ухмылкой отвечал приговоренный. — Начинай...
 - Тебе пирамидкой или просто отшлифовать?
 - Пирамидкой...
 - Палач интересуется, как тебя шинковать: вдоль или поперек?
 - Это уже непринципиально...
- Шут разгладил густую черную шевелюру своего клиента и начал рашпилем обрабатывать торчащие на голове рожки...
- Жизнь — это путешествие в один конец, которое не знает, когда и чем оно закончится...

ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ: POSTSCRIPTUM ИСТОРИИ

Он очнулся от сильного удара в голову. Открыл глаза. Перед ним раскрылась черная бездна вечного космоса с ярко горящими звездами. Затем у него дернулось плечо, и он сразу почувствовал всю тяжесть своего тела — усталость и боль наполняли его мышцы, а в голову шарахнуло повышенное давление крови :

— Жив... — начал он с трудом соображать, пытаясь понять, где он находится: оказалось, что он вращается с первой космической скоростью в толще космического мусора вокруг планеты Z созвездия X галактики Y.

Память начала медленно возвращаться, восстанавливая воспоминания последнего боя имперского десятого флота с повстанцами. Всплыла картина чудовищного взрыва, разворотившего титановый корпус флагманского крейсера, и в образовавшуюся рваную дыру стали улетать в открытый космос стоявшие на капитанском мостике адмирал их флота со всем своим штабом. Потом в космос унесло и его самого:

— Хорошо, что я успел надеть новый скафандр, и меня не задело взрывом... — сообразил он. — Но все, кто был без скафандра, погибли... А я, стало быть, выжил... Счастливчик или грешник...

Грешник в том смысле, что в случае неудачи ему придется мучительно умирать на орбите среди обломков кораблей, других мертвецов и полуживых тел...

Новейший скафандр с повышенной системой выживания был разработан им самим. Уникальность его была в том, что в случае критической ситуации в нем автоматически срабатывала функция гиперсна, погружая космонавта в глубокий летаргический сон. И это новшество принесло ему всемирную известность и повышение по службе: он стал главным механиком подорвавшегося на mine флагманского крейсера. Но почему-то у него самого эта функция не сработала или отключилась в результате столкновения с чем-то очень тяжелым.

Место последнего звездного побоища теперь представляло собой огромную кучу космического мусора, вращающегося по орбите планеты Z созвездия X галактики Y. Все, что осталось от некогда грозного космического флота. Фантастическая фатальная гибель империи. Эпохальное событие, поставившее жирную точку в ее всемирной истории.

Выживший осмотрелся. Он медленно плыл над поверхностью неизвестной планеты среди кучи останков двух десятков погибших в последнем решающем сражении космических кораблей. И поскольку трупы никто из победителей не убирал, он понял, что была боевая ничья.

«Хорошо, что я инженер, а не политолог! — подумалось ему. — Руки-ноги целы, голова на месте... А вокруг столько запчастей для моего будущего космического корабля, что чего-нибудь мы себе непременно соберем...»

* * *

Вначале он наткнулся на спасательную капсулу с какого-то корабля, которой никто не успел воспользоваться, но где ему можно было спокойно отоспаться и привести себя в порядок. Затем он наткнулся на практически целый жилой блок с военного транспортного судна, где обнаружили запасы еды и где можно было уже снять скафандр и устроить вполне комфортный спартанский быт. Так постепенно он начал собирать на орбите мусор, еще пригодный к строительству задуманного им корабля: где-то что-то прикручивал, где-то что-то приваривал, что-то соединял и «приколачивал».

Установленный им хронометр отмерял время по земным часам, месяцам и годам. Так на сборку основы будущего судна у него ушло полтора года. Чем он питался? Тем, что находил на космической мусорке, а подобных находок там было предостаточно. Свалка — она и в космосе свалка. А наш космический бомж был просто обречен на ней прописаться и жить.

Бортовой компьютер выдал ему неутешительную информацию: через пять земных лет весь этот космический хлам начнет сходить с орбиты планеты Z и сгорать в плотных слоях ее атмосферы. Так для него пошел обратный отсчет времени.

В его сердце теперь теплилась надежда на благополучный исход истории. Им руководило теперь творчество. Он занимался тем, что требовали его душа и сердце. И в этом было его спасение. Он обрел то, чем владели его далекие докосмические предки: он ощутил в себе теплоту веры. Творчество и есть искра Бога в человеке. И ангелы тогда стали танцевать в его сердце.

«Хорошо, что я инженер! — еще раз позитивно подумал он, приободряя себя. — Представим себе, что перед нами не свалка, а завод и ты сборочный цех... Засучим рукава и займемся делом... Вспомни, — призвал он самого себя к трудовым свершениям, — про ту мышку, которая сбила сливки, попав в крынку с молоком...»

Только великий конструктор может из отходов старой системы создать новую цивилизацию.

Но один момент его постоянно привлекал внимание и тревожил. Это то, что он был на этой орбите не один. На орбите ему постоянно попадались человеческие останки, разорванные взрывом, искалеченные металлом. Первоначально это убийственно действовало на его психику, но со временем он взял себя и здесь в руки и решил: эмоциям не быть! У него теперь была великая цель — построить на орбите из груды мусора новый космический корабль.

Среди обломков космических кораблей ему часто попадались такие же, как и он, уцелевшие: успевшие надеть скафандры, последние спасшиеся и уснувшие в режиме включенного гиперсна.

— Их можно будет всех собрать и разбудить, — решил он. — Но только чем их всех мне кормить?

Решения этого вопроса у него пока не было. Поэтому с этим делом он решил повременить. Но на будущее он присоединил к своему жилому модулю пару грузовых отсеков, где можно было бы хранить эти «живые скафандры».

И вот однажды среди мусора ему попался один такой скафандр, и он машинально заглянул в его шлем.

— Красивая! — улыбнулся он, увидев спокойное лицо молодой женщины. — Жаль, что только у нее нет нижней части... — Перевел он взгляд на ее разорванное надвое тело. — И сколько таких? Беда... Беда... Жаль девку! Могла бы составить кому-то счастье...

При подобных встречах у него щемило сердце и учащался пульс. И таких встреч на дно было несколько. И всякий раз он сжимал зубы, чтобы не закричать в отчаянии, и продолжал трудиться, трудиться, трудиться...

Он умел и любил работать. А в этих условиях созидательный труд стал смыслом его существования и выживания. Чтобы не сойти с ума, он должен был что-то делать. Глаза боялись, а руки делали...

И вот когда его корабль был уже более-менее готов, он собрал всех уцелевших в гиперсне и перенес их в грузовой отсек. Набралось столько, что ему пришлось их складировать штабелями в несколько рядов.

— Ничего... Все равно спят... — решил он, что комфорт и личное пространство здесь не уместны. — Все мы здесь попали уже в списки безвозвратных потерь... Все: и имперские солдаты, и повстанцы... Никто никогда за ними уже не прилетит из военкомата и не призвет в сражающиеся ряды...

Над постройкой корабля вместе с ним уже трудились несколько подобранных им роботов-строителей, помогавших ему с громоздкими конструкциями. Он нашел три рабочих ядерных двигателя от своего взорвавшегося линкора и соединил их в одну связку. Затем приспособил два малых двигателя от транспортного судна в качестве боковых силовых установок, а из различных кусков титановой обшивки бывших космических боевых кораблей начал наваривать внешний корпус своего корабля, придавая ему вид бесформенного объекта:

— Замаскируем его под астероид! — решил он. — Внешне будет похоже на то, словно космический мусор со всех сторон притянуло, и он облепил ядро астероида.

С помощью этой хитрости он надеялся избежать нежелательных встреч с воюющими сторонами, еще не подозревая о том, что война уже закончилась тотальной ничьей — гибелью всех ее участников.

Его привычным занятием стали ежедневные прогулки по космической мусорной свалке. И вот однажды, прогуливаясь по ней, он случайно наткнулся на нижнюю часть разорванного тела и вспомнил о ее верхней половинке.

— Надо все-таки по-человечески хотя бы ее похоронить... — решил он отдать последние почести погибшему воину и забрал «ноги» в свой медицинский модуль.

Роботу-медику он велел собрать тело, и тот приступил к своим медицинским процедурам...

Перебирая космический мусор, он постоянно думал:

— Вот он, ужасный оскал звездных войн — все превращать в космическую пыль. Руины цивилизации... Трагический конец истории человечества! Возродит его только чудо, и чудо это — мир... Это хорошо, что еще не применили здесь ядерного оружия, иначе тут был один радиационный пепел...

Засыпая, он с удовлетворенно думал:

«Хорошая работа... Это мой корабль... Это мой новый дом. Я его собрал из хлама прежнего погибшего мира... Это уже моя история... Приятно осознавать себе ее твор-

цом... А самое главное, — приятно подумалось ему уже во сне, — надо мной впервые нет никакого начальства — ни тебе никаких отчетов, ни проверок, ни кредитов... Я сам себе начальник! Вот она, свобода! Вот она, настоящая анархия — мать моего порядка...»

* * *

Однажды утром он проснулся от истощенного женского крика, доносившегося из медицинского модуля. Вначале он решил, что это все ему показалось. Но крик повторился снова и пробрал его до самих нервов.

Он выскочил в коридор, и, спотыкаясь со сна о ровное, побежал на зов. То, что он увидел, влетев в медблок, его одновременно и испугало, и обрадовало: в углу, забившись как раненый зверь, сидела испуганная женщина и билась в истерике.

— Ты оживил ее!? — удивленно спросил он робота-медика.

— Я применил последние медицинские технологии по реконструкции живой материи ее тела. Оно у нее постепенно восстанавливает свои жизненные функции... В настоящее время ей вернулась ее женская истеричность... Она в физическом порядке, но с ее психикой придется немного еще повозиться. Дайте мне пару дней, и она придет в норму...

И действительно через пару дней она явилась к нему с докладом и представилась по форме военнослужащего.

— Вы теперь не младший помощник второго штурмана, а старший штурман! — На правах капитана корабля повысил он ее в должности. — Мне нужен помощник... — обратился он к ней. — Один я уже не справляюсь с объемом работы и нужного для нее знания... Подобранные мною несколько роботов могут выполнять только технически тяжелую работу... Да... и прикройте чем-нибудь свою наготу... — попросил он ее о соблюдении хотя бы делового этикета, хотя о каком таком этикете в тех условиях могла идти речь?

— Сформулируйте задачу! — попросила она его уточнить.

— Формулирую: достроить корабль, собрать с орбиты всех, кто уцелел и находится в гиперсне; проложить курс к месту, где есть пригодная для жизни планета, на которой можно было бы основать мирное поселение...

Видимо, в прошлом она была хронической отличницей, потому что с рвением пионерки приступила к выполнению своих новых служебных обязанностей. Она действовала автоматически, словно робот: ни эмоций, никаких душевных переживаний, сомнений, радости или гнева. Смерть, видимо, все еще сидела в ней и не отпускала из своих цепких объятий.

Но вскоре случилось то, чего он больше всего опасался: его подвело его собственное здоровье.

От напряжения сил и пережитого за последние годы стресса его здоровье дало неожиданный, но закономерный сбой. Он потерял сознание, затем пошла кровь. Она отвела его в медчасть, и робот-врач поставил ему неутешительный диагноз — рак, как следствие продолжительного нахождения в открытом космосе. Необходима срочная операция.

— Нужно согласие ближайших родственников на ее проведение! — протольно добавил врач.

— Ты шутишь?!

— Нет, этого требует протокол...

Не говоря ни слова, она положила его на операционный стол и сама ввела ему анестезию.

— Работай... — велела она роботу-врачу. — А я займусь своими делами...

* * *

Это был то ли сон, то ли какая-то особенная явь. Он шел по горе космического мусора, шел долго и вдруг оказался на звездной дорожке, которая вела его куда-то вдаль, за горизонт событий и всех времен.

— Кто ты? — задал ему кто-то провокационный вопрос.

В ответ он растерянно пожал плечами.

— Теперь уже даже и не знаю... Скорее всего, — попытался он сформулировать некий ответ, — я последний из самых последних... Мой удел — одиночество... Я — одинокий пастух... Я пасу постоянно разбегающиеся звезды... Звездный бродяга! Бомж великой космической мусорной свалки... Мне теперь и имя не нужно, потому, что некому меня по имени называть...

Он шел по звездному пути и не ощущал усталости. И все время ему на пути попадались какие-то люди, лица из его прошлой жизни... И так вплоть до самого раннего детства, когда он впервые сам вылез из колыбели и сделал свой первый шаг... Были все, кто от него давно уже ушли... Ушли окончательно и безвозвратно... Лица, лица, лица... Одни только мутные от времени лица... Воспоминания прошлого...

— Вот оно — великое небытие! — Пришла ему на ум догадка. — Я возвращаюсь к своим истокам, которых давно уже нет...

Уже пробуждаясь от этого долгого забытья, ему подумалось:

«Я всегда почему-то везде опаздываю. Я слишком долго был в пассиве, и теперь мне приходится наверстывать и догонять ушедшее от меня время... Самое ужасное, что мы можем сами у себя украсть — это время... А этого у меня уже практически нет...»

* * *

Он пришел в себя только через два земных года.

— Извините, капитан, — услышал он голос робота-врача, — на ваше лечение ушло несколько больше времени, чем предполагалось изначально. С трудом достали необходимые лекарства... Сами знаете — свалка! Не все лекарства подходили под ваш диагноз. Зато теперь вы в полном порядке. Два года не прошли для вас без толку... Поздравляю...

— Два года! — Стукнула его откровенная новость прямо в мозг. — Два года!!! — Он сердито взглянул на своего лекаря. — Ты не робот-врач, ты робот-палач!

Пошатываясь, он вышел из медицинского блока и увидел ее.

— Докладываю, — бойко отрапортовала она ему, — за время вашего отсутствия корабль практически достроен по вашему плану; выжившие и впавшие в гиперсон космонавты находятся в грузовом отсеке на сохранении; на орбите больше выживших нет; из дальнего космоса никаких сигналов не поступало; курс к ближайшей экзопланете проложен; топливо загружено... Доклад окончен...

Не успел он осмыслить эти ее слова, как между ними пробежало какое-то лохматое маленькое существо и озорно показало ему язык.

— А это еще кто? — Даже вздрогнул он от неожиданности.

— Это наш сын... — невозмутимо отвечала она ему. — Я осмелилась в качестве научного эксперимента взять у вас семенную жидкость, поместила ее со своей яйцеклеткой в инкубатор, и у нас через месяц родился сын. Я его назвала в вашу честь... Ему сейчас уже два года...

— Охренеть!!! — машинально вырвалось у него. — А что, и так можно было?! Я считывал, вообще-то, на более естественный процесс...

— Так быстрее и экономнее... — был ее лаконичный ответ.

Ему осталось только развести руками и опустить от удивления нижнюю челюсть.

— Холодная женщина! — Наблюдая за ней, пытался он ее понять. Но как достучаться до ее черствого сердца??? Солдафон!!! Казарменное воспитание! Как превратить эту фригидную красотку в прекрасную нимфоманку?! Как растворить лед в ее сердце?!

Лед тронулся сам через пару месяцев, когда она из пробирки достала своего второго ребенка. Инстинкт материнства все-таки сработал и безотказно сделал свое дело. Она ему загадочно улыбнулась, и он почувствовал перед собою новую Джоконду... Что эта ее улыбка означала, одному Леонардо было известно. А нам теперь ломай голову и переживай...

Все это время она была в удручающем, разбитом состоянии. Последние события окончательно подавили ее волю. Но она тоже прекрасно знала, что нельзя складывать руки. Воспоминания о прежней жизни постоянно настигали ее и уводили в далекое прошлое:

— Эх! — тяжело вздыхала она. — Ни тебе Большого театра, ни Третьяковки, ни даже дедушкиной чебуречной... Конец всей этой счастливой жизни! Мир рухнул... У меня такое ощущение, что и я сама тоже им разорвана на части... — Почесывала она себе осторожно бок, где все еще заживал шов от проведенной некогда операции.

«Видимо, она тоже сейчас бродит по своей звездной дорожке, ища предел своих воспоминаний... — догадался он, вспомнив, что с ним самим в недавнем прошлом было. — Бедная девочка... Понимаю, как ей сейчас тяжело...»

Покалечившее их время теперь медленно их врачевало.

Лечило не все. Но нанесенные им раны медленно затягивало...

Они изменились, потому что изменился вокруг них мир. Им пришлось это сделать, иначе не выжить. Но единственное, что они смогли сохранить, — так это любовь, любовь к жизни. Они поняли одно правило: таящаяся внутри нас любовь побеждает находящийся в нас страх. Жизнь и есть победившая страх любовь...

* * *

Они напряженно слушали эфир, чтобы поймать хоть какой-либо звук человечества, но повсюду был лишь «белый шум» безжизненного космического пространства. Они искали повсюду признаки жизни и еще не знали, что в космосе случился самый настоящий Армагеддон и человечество на девяносто девять целых девяносто девять сотых процентов самоуничтожилось. В последней звездной войне победила смерть. Повсюду были руины. Повсюду была тишина. Жизнь умолкла, и перестала производить свой привычный шум. И от этой гнетущей тишины было не по себе.

Он часто спускался в грузовой отсек и часами бродил между рядов спящих в скафандрах спасенных космонавтов и думал:

«Мы не просто дошли до самого предела, мы переступили за роковую красную линию жизни... Как мне достучаться до людей, чтобы они поняли, что войной жить нельзя? Война производит руины. Мы их спасли и собрали не для того, чтобы, пробудившись, они снова начали воевать... Мы их собрали здесь для жизни, для мира... Это последнее, что осталось от человечества, и нельзя допустить, чтобы вражда вновь проникла в их сердца. Они не видели того, что видели мы — разрушенные войной миры, уничтоженные в ядерном пожаре цивилизации...»

Насилие проявляет в нас животное начало... Война — это самый распространенный способ решения человеческих проблем, когда заходят в тупик их переговоры по

разногласиям... А стоит ли вас всех тогда пробуждать, если вы опять начнете враждовать? Ради чего тогда я мучился столько лет на орбите, собирая вам новый дом? Чтобы вы его опять разрушили?! Создавая человека, Бог не предполагал, что он будет воевать сам с собой...»

P. S.

Планету для новой колонии они так еще и не нашли, зато собрали на местах бывших звездных сражений уже десять миллионов «спящих скафандров». Где бы они ни появлялись, повсюду были руины бывших цветущих цивилизаций. По всем ним прокатился чудовищный шквал звездной войны.

Что хорошо они научились делать, так это доставать детей из пробирки. Прежде чем будить миллионы спящих, они решили произвести на свет как можно больше правильных пацифистов... На прошлой неделе у них родился восемьсот сорок восьмой ребенок! Робот-врач уже перестал мыть пробирки...

НОЧЬ В ШЕРЕМЕТЬЕВЕ... (почти мистическая история)

Однажды мне пришлось ночевать в Шереметьеве. Боялся опоздать на утренний рейс, поэтому приехал с вечера, чтобы уж наверняка (сработал рефлекс печального опыта — однажды я уже опаздывал на свой утренний рейс!). Проходя по полупустым залам ожидания, я набрел на свободный ряд кресел и устало опустился на центральное место. Время было позднее. Рейсов было мало. Я зевнул и приготовился было безмятежно задремать, как вдруг что-то странное и непонятное заставило меня посмотреть прямо перед собой.

Только теперь я обратил внимание на одиноко сидящего напротив меня человека, который испуганно смотрел на меня и нервно моргал глазами. Это был молодой человек в монашеской рясе.

«Монашек...» — невольно подумалось мне.

Тот, повстречав на себе мой взгляд, кивнул мне в знак приветствия. Я ему ответил тем же. Печальный вид соседа меня несколько озадачил. Он сидел, поджав ноги, и глаза его нервно бегали из стороны в сторону. Сложилось впечатление, что он боится опускать ноги, чтобы ненароком кого-либо не раздавить.

— Вы их видите? — спросил он меня тихим взволнованным голосом.

— Кого? — удивленно спросил я его, озирая пустынный зал.

— Этих... рогатых... Они здесь повсюду...

«Чокнутый!» — невольно подумалось мне, но вслух побоялся это ему говорить.

— Я раньше их не видел, но после рейса они вдруг сами ко мне явились и напали на меня...

«Умом тронулся! Точно!» — поставил я ему поспешный диагноз.

— Я их еще в самолете заметил... Они сидели на крыльях и о чем-то ругались...

— «Они» — это кто?

— Бесы! Маленькие такие, полупрозрачные бесята: рогатые, лохматые, хвостатые...

«Мне еще сегодня сумасшедшего не хватало! — вздохнул я. — Несчастный. Видимо, тронулся на почве своего религиозного мистицизма...»

— Мне что-то тогда (во время полета) в голову ударило, — продолжал делиться своими воспоминаниями он. — Я подумал: давление... В глазах все потемнело, а затем я вдруг увидел их... Много... И они тоже видят нас и бесятся вокруг нас...

— Вы что-нибудь сегодня пили, курили или нюхали?!

— Я понимаю, о чем вы. Я уже сходил проверился в медицинский пункт... Так они последовали за мной и там все вверх дном перевернули... Бедному врачу пришлось давать успокоительное... Спирт... Сказал, что помогло... Но на меня это не действует... Я его на дух не переношу... Зато эти рогатые и лохматые его весь до конца вылакали и еще добавки от него требовали...

Монашек печально посмотрел на меня. Когда он смотрел на меня, взгляд его успокаивался, и он, казалось, приходил в норму. Но стоило ему взглянуть на пол, как он невольно вздрагивал и впадал в некое нервное состояние. Его бледное лицо выражало невыносимые муки страдания и боли.

— А «они» какие? — решил я ему подыграть. — И впрямь такие, как их изображают художники на фресках и на картинах, или какие-то особенные?

— Они разные... Но все омерзительные... Все безобразные... В том смысле, что у них нет никакого образа. У нас с вами он есть, а у них нет. Просто отвратительные рожи... хари... морды...

— И давно у вас такое? — продолжал я его допытывать.

— Сегодня утром случилось... Я сюда прилетел транзитным рейсом. Я их заметил еще на посадке в самолет, когда мы поднимались по трапу на борт нашего лайнера...

— Это страх перед полетом в самолете! — догадался я. — Эта фобия пройдет. Главное, не смотреть вниз...

— Но «они» как раз по полу и бегают... — не поняв моего намека, пожаловался монах. — И все такие злобные! Все такие мерзкие! Корчат мне разные рожицы и ругаются отборным десятиэтажным матом...

— А при чем тут русский мат?

— Так мат придумали бесы, чтобы управлять людьми...

— Так они что, русские бесы? — Опять я был на высоте своего остроумия в деле высмеивания мракобесия. — Они что, по-нашему ругаются?!

— Они лают сразу на всех языках мира... У них свой интернационал! Но здесь, в России, предпочитают русский... Английский слабоват... Говорят — недоразвитая нация... Привыкла всеми командовать...

— Так ты что, с ними общаешься?

— Приходится. Пытаюсь изгнать, но моей силы веры пока еще не хватает...

— Да пошли ты их сам куда подальше...

— Не могу, я сквернословить... Скверный язык умаляет достоинство человека.

— А давай-ка я попробую! Мне ведь можно... — предложил я ему и как рявкнул на весь пустынный зал. Гулкое эхо прокатилось по всему аэропорту и вернулось обратно. — Ну как? Получилось?

— Да, ты их испугал... Они в шоке. Приняли за своего...

— Чего?!

— Вначале разбежались в страхе, а теперь обратно возвращаются и тебя к себе зовут... Ни в коем случае не соглашайся. Обманут!

«А парнишка с юмором попался... — подумал я тогда. — Продолжим ему подыгрывать, пока из психушки за ним не приедут...»

— Я, вообще-то, должен был лететь сегодня в Грецию на святую гору Афон... — признался неожиданно монах. — А тут такое... Нечисть, видимо, чует, что по святым

местам кто-то собрался, вот меня и искушает своими страхами и кознями... Как бешеные, полезли ко мне со всех сторон.

Говорил он весьма убедительно. Я почему-то ему в тот момент поверил и немного поубавил свой скепсис. Но я не мог видеть того, о чем он утверждал, поэтому мне приходилось ему верить на слово. Верить его честному слову.

— Когда я с вами говорю, — признался мой собеседник, — мне становится немного легче. Приятно иметь возможность с кем-нибудь поговорить по душам...

Времени у меня было много. Я решил его выслушать до конца.

— Я вот что думаю, — поделился своими соображениями монах, — жившие сто лет тому назад люди не поняли бы то, что мы сейчас видим в небе... Когда я сам смотрю в небо на пролетающий высоко самолет, то вижу белый след и летящий впереди сияющий на солнце крест... В досамолетную эпоху люди приняли бы это за пролет ангела и впали бы в мистический экстаз от осознания увиденного... Для нас же это всего лишь самолет, на котором мы сами время от времени куда-то летаем...

«Вполне логично...» — подумалось тогда мне.

— Я все время задавал себе один и тот же смешной вопрос: почему самолеты летают и не машут крыльями? А когда взглянул сегодня в иллюминатор, увидел, как они ими и в самом деле машут. Почему? Ответ прост: это их раскачивают мелкие бесы, устроившие на нем свой малый шабаш... Я когда их увидел, начал усердно молиться во спасение, и самолет в самом деле перестало трясти, и мы благополучно сели... Но то, что лайнер раскачивали именно эти бесята, я видел явственно, как вижу сейчас вас...

— Но откуда они взялись на борту самолета в таком количестве? — задал я ему вполне законный вопрос.

— В том-то все и дело, что они не могут пройти на борт самолета и облепляют его обшивку, а во время полета воздушными потоками их сдувают и собирают на крыльях лайнера... — воодушевился мой рассказчик.

— Допустим. Но почему они не могут пройти в салон самолета?

— Я уже говорил о том, что самолет имеет форму креста и быть внутри него им представляет смертельную опасность... Вот они и путешествуют на крыльях самолета, — последовало вполне вразумительное объяснение.

— А почему их так привлекает именно самолет?

— Да не в самолете дело. А дело в тех, кто летит в самолете... Они вылезают из всех нас, грешников. Эти мелкие бесы — наши пороки и страхи, которые мы таскаем в себе. Но в этот раз они почему-то не вернулись к своим хозяевам, а все увязались за мной. Я как магнит притянул их к себе... Вот они вокруг меня сейчас и носятся, не в силах от меня отстать...

— Значит, те, кого они покинули, очистились от них, — заметил я. — Значит, твоя молитва подействовала... Ты освободил народ от греха, взяв его на себя...

— Возможно... Только я теперь не знаю, что мне с ними делать?

— А что обычно делают с бесами? Кропят святой водой! Вот держи — минералка! — Кинул я ему в пластмассовой бутылке принесенную воду. — Вода называется «Святой источник»... Освяти ее своей молитвой и окропи бесов... И сейчас же увидим, что с ними будет...

— Они уже напуганы! — воскликнул он. — Теперь тебя проклинаят и поносят самыми бранными словами за поданную мне идею и воду...

— Я это их лаянье как-нибудь переживу...

— Но они подняли страшный вой по этому поводу!

— Не переживай, старик, делай свое дело...

— Я не старец, я всего лишь смиренный послушник...

— Вот и послушай, что я тебе говорю...

На круглых электронных часах аэропорта высветились четыре нуля, поровну разделенные двумя вертикальными точками.

Бесы в отчаянном восторге взвыли и пошли в массовое наступление. Собеседники и не догадывались, каким эхом эта их возня вокруг них отразится в городе.

Они не подозревали, что в это самое время в Третьяковской галерее, что в Лаврушинском переулке, совершая свой обычный обход, ночной сторож столкнулся с каким-то черным облаком, которое возникло из некой темной субстанции, отделившейся с поверхности висящих там полотен. Все изображенное в изобразительном искусстве зло каким-то образом (по пока еще невысказанным законам физики или антифизики!) материализовалось и проникло в реальный мир. Внутри этого облака что-то постоянно визжало, пищало и барахталось. И в какой-то момент при лунном свете сторож увидел тысячу злобно глядящих на него враждебных глазенок. Мгновение, и они набросились на него. Единственное, что мог сделать сторож, — это выхватить свою резиновую дубинку и начать ею отчаянно махать налево и направо...

Вывод: нигде не изображай бесов (даже самых мелких).

Рядом с Третьяковкой произошло куда более скандальное событие: бронзовый монумент, посвященный людским порокам, состоящий из тринадцати статуй, неожиданно ожил и, сорвавшись с места, устремился на проезжую набережную пугать своими пакостями полуночных водителей. От страха те разлетались в разные стороны, несмотря ни на какие препятствия и преграды. Бесчинство продолжалось до тех пор, пока чумовые изваяния не нарвались на русский спецназ. Военные возвращались в казармы и дали мракобесию такой решительный и дружный отпор, что их печальный бронзовый звон разбудил пол-Москвы. «Восставших» грешников молча крутили голыми руками, не давая им даже пикнуть. Самого буйного забрали в участок. Поутру повязанные в железные узлы, свергнутые статуи беспомощно валялись разбросанными вокруг своего прежнего пьедестала, и никто из горожан не мог поверить, что этот акт вандализма совершила наша доблестная росгвардия (вроде бы все были трезвыми, но больше всех досталось скульптуре порока пьянства!!!).

Вывод: не трогай русский ОМОН...

Но хуже всего пришлось сидельцам столичных тюрем. В ту полночь на них ожили их блатные наколки и яростно напали на своих «хозяев», начав вгрызаться в их воровскую плоть. По всему было видно, что татуированные монстры стараются догрызаться до самих их костей. Дикие вопли и истошные стоны сотрясли всю столичную пеницитарную систему и повергли ее обывателей в откровенный шок и ужас. Никто поверить не мог, что так жестоко с ними поступают их же собственные «геральдические знаки». Тюремная семиотика оказалась страшной вещью...

Вывод: не хулигань, будь хорошим мальчиком...

Больше всего пострадали ночные клубы Москвы, где в это время тусила столичная «золотая молодежь». Против них неожиданно восстали их «алкоголь и наркотики». Поскольку эта избалованная часть молодежи привыкла жить эгоистично в свое удовольствие и делать всем гадости, гадость в ту полночь сама явилась им и свалилась им прямо на головы. Выскочившие из них легион бесов устроили им выгребную яму, выкачав из канализации и пустив на них все столичные помои. Дерьмо обильными потоками хлынуло на них, не оставляя ни малейшего шанса на спасение. Многим пришлось нырять, чтобы доплыть до спасительного берега, многих потом пришлось везти в реанимацию и откачивать от этого зловония, которое еще долго они не могли перебить дорогим заграничным парфюмом. Как говорится — «по мощам и елей»...

Вывод: дерьмо притягивает себе подобное...

Именно в это время в Третьяковской галерее раздался первый выстрел — это прибежавшая на крик своего искусанного бесовской камарильей коллеги охрана, применила табельное огнестрельное оружие... Как впоследствии выяснилось, злобный рой демонов пытался грызть даже пули, но безуспешно — только зубы обломали...

— Вон смотрите... — Тем временем напрягся монах, пытаясь трясущимися от волнения руками открыть крышку брошенной ему бутылки с водой. — Еще одна толпа бесят прилетела последним рейсом... — Действительно в этот момент объявили о прибытии самолета из Астрахани. — Эти все помешаны на рыбалке и охоте... — Перекрестился инок. — Но они не самые вредные! Перед этим был самолет из Нью-Йорка... Ну, это были солидные бесы — бесы жирных банковских котлов... Все в цилиндрах, все с большими денежными мешками... Таскают повсюду за собой своего золотого тельца и шумно ему поклоняются... Н... да... Все эти «сэры и пэры» — бесята высшего уровня (бесы в квадрате и в кубе)... Но особенно я опасюсь рейса из Киева... Вот там точно конченные нацики будут...

Признаюсь честно, когда капли воды попали на меня, мне заметно полегчало, словно действительно спал с меня какой-то тяжкий груз. Искренне порадовался не столько за себя, сколько за него. Получилось. Правильный, значит, монах. Все у нас будет в порядке...

«Видимо, мои собственные бесы на время сбежали от греха подальше. — Пришла мне тогда на ум догадка. — А он не такой уж и безумный, этот монах. А что если и в самом деле он прав... Он видит то, чего не дано видеть нам, и потому так странно на это все реагирует... Все это за гранью моего рационального научного ума. А он человек из другого мира, из другого измерения. Для него эта мистика — реальность, а моя реальность — миф, мир пустых иллюзий...»

Теперь я глядел на своего соседа с неподдельным интересом и со всей серьезностью.

— Ну что? Помогла нам святая вода? — поинтересовался я у него.

— Да! Чудесное средство: многие бесы уже корчатся в муках от адской боли, иных просто разорвало на мелкие части... — Впервые за все время нашего с ним общения улыбнулся мне монашек. — Теперь я всегда буду ходить с такой бутылочкой...

— Давай дождемся все-таки киевского рейса... — неожиданно для самого себя предложил я ему.

— Зачем?

— Закрепим делом нашу успешную практику...

— Тогда надо будет побольше запастись святой водой...

— А вы только на Афон летите? — спросил я его.

— Да, а что?

— У меня есть предложение — прокатиться по некоторым западным столицам мира...

— Интересное предложение... Но вначале все-таки на Афон!

— Естественно...

— Идет...

Никогда не поздно начать переоценку всех своих ценностей, особенно тогда, когда сталкиваешься с ценностями более высокого ценностного уровня...

«АТЛАНТИДА»

На песчаном берегу равнинной реки Зенд планеты Зет сидел мужчина средних лет и с наслаждением рыбачил. По его выражению лица было видно, что

он счастливый отпускник, с пользой проводящий время. Единственное, что нарушало эту дивную природную идиллию, было то, что рыбак сидел на корпусе боевой ракеты, у которой была разобрана боеголовка, а в руках он мял, словно пластилин, кусок свинца, из которого смастерил себе нехитрое грузило для своей удочки.

В монтированной в его ухо рации зазвучал чей-то неприятный голос:

— Первому от девятого! Мы потеряли ракету. Подтверждение попадания в объект нет. — В наушниках послышался треск, затем тот же голос доложил загадочному первому: — Выпустил вторую ракету, попадание через двадцать три секунды...

— Нет, эти сегодня мне не дадут как следует порыбачить... — сочувственно покачал головой рыбак. — Десять секунд, девять, восемь... — начал он сам считать оставшиеся мгновения до попадания в него второй ракеты... — Четыре, три... — На горизонте действительно показалась ракета. — Две... — Рыбак поднял руку, и ракета застыла на месте в нескольких сантиметрах от его ладони.

Внутри ее корпуса что-то щелкнуло, и ракета полностью обесточилась. Движением другой руки рыбак вскрыл корпус ее боеголовки и профессионально извлек из нее урановую начинку.

— Ненавижу... — с омерзением пробурчал он и начал пальцами мять уран, словно он был сделан из пластилина. Уран протяжно запищал и превратился в обыкновенный свинец. — Еще одно грузило... — усмехнулся рыбак.

— Первый! Первый! — послышался в наушниках встревоженный голос пилота истребителя. — Мы потеряли и вторую ракету! Что он там с ними делает? Ест, что ли?

— Первый девятому! — послышалась на волнах дальней космической связи. — Зайти над целью и сбросить водородную бомбу...

— Ага, сейчас... — усмехнулся рыболов. — Только об этом и мечтаю... — Он поднял обе раскрытые ладони в сторону приближающихся к нему межгалактических истребителей, и у звездолетов полностью пропало в системе электричество.

Астронавты-истребители не смогли ни подать сигнал SOS, ни даже катапультироваться. Вместо этого их машины синхронно спланировали на берег реки Зенд и уткнулись носами в рыхлый песок.

— Отлетались, ребята! — оценил их приземление как вполне удовлетворительное рыбак. — Отдохните. — С этими словами он достал какой-то обруч (РЛС дальней межгалактической связи) и надел его себе на голову. Отследив по поступающим на истребители сигналы с их базы, он установил их источник в системе Сириус и подключился к их каналу связи. В наушниках зазвучал знакомый ему голос адмирала Кларка.

— Похоже, что мы только что потеряли два самых лучших экипажа истребителей F-2010... — Услышал он генеральский голос находившегося на другом конце галактики. — Этому негодяю Фениксу опять удалось от нас ускользнуть...

— Вот я и негодяем стал... — усмехнулся Феникс и начал разочарованно сматывать свои удочки. Рыбалка и на этот раз была ему безнадежно испорчена. — Порыбачил, называется! Хотя, с другой стороны, ведь клюнули же они на меня как на живца...

* * *

Система Сириуса альфы звезды созвездия Большого Пса. Командный пункт генерального штаба межгалактической империи. 4243 год космической эры.

Как только связь с его истребителями, посланными на ликвидацию таинственного Феникса, была потеряна, адмирал Кларк потупил свой суровый взгляд на недоуменных подчиненных и хрипловатым голосом повторил:

— Мы потеряли два самых совершенных истребителя. Феникс неуязвим... Что мы будем докладывать императору? Он и без того нами крайне недоволен... За провал операции против повстанцев нам уже было вынесено последнее предупреждение, а теперь еще и это. Прежде чем принять свое окончательное решение, мне бы хотелось выслушать ваши мнения...

Подопечные адмирала растерянно разводили руками и пожимали плечами. Кларк на них злобно зашипел и отвернулся от монитора, по которому с ними общался.

— Эти тупицы сведут меня в могилу! — Покачал он разочарованно головой и, обратившись к своим собеседникам, добавил: — Вот в таких нечеловеческих условиях нам приходится сегодня работать...

За круглым столом в зале совещаний сидела созданная верховным правителем экстренная комиссия по расследованию дела об «Атлантиде».

Сенатор Морган прибыл на Сириус с высшими диктаторскими полномочиями. Это был хитрый лис межгалактической дипломатии, ведший не одни переговоры с различными галактическими системами. На его счету были многочисленные заговоры, государственные перевороты, политические убийства и прочие подковерные гадости высокой политики.

Напротив сенатора сидел мрачнее черной дыры генерал-адмирал Кларк, родившийся и посевший на звездных войнах. Он только что пережил в своей военной карьере последнее поражение и напоминал собой Наполеона, отступающего из покоренной, но непобежденной Москвы. Генерал Кларк слыл старым воякой. Это был до мозга костей человек войны. Жить для него значило воевать. Воевать — пугать и убивать. И он всю свою жизнь только и делал, что всех запугивал и убивал.

Третьим участником совещания являлся военный губернатор созвездия Большого Пса преподобный Джексон — прожженный управленец-бюрократ, привыкший к подобному рода совещаниям и прошедший на них всю свою сознательную жизнь.

И наконец, четвертым участником этого сборища был главный прокурор империи тайный советник Форд. Человек без каких-либо человеческих особенностей на лице и с весьма темной и путаной биографией внутри. В своих кругах он слыл великим ученым, прославившимся тем, что в свое время успешно разгадал вековую тайну египетских пирамид, разобрав их всех до единого камушка.

— Итак, Феникс опять от нас ускользнул... — констатировал факт неудачного покушения сенатор Морган. — Как вы объясните причины этого своего провала? — обратился он к генералу Кларку.

— Он уже не первый, и думаю, что будет не последним...

— Мрачноватый прогноз...

— Я с ними воюю уже третий год! Вы там наверху думаете, что банда Феникса — это космический мусор, не заслуживающий никакого внимания. — Генерал был по-прежнему спокоен, но мрачен.

— Вы не правы, генерал! — прервал его монолог сенатор. — Там наверху уже оценили тот ущерб, который приносят действия Феникса. Поэтому и была организована наша комиссия. Эта банда космических изгоев начинает представлять серьезную угрозу нашей национальной безопасности. Я хотел бы знать, что нам известно об этой банде.

— Банда Феникса — это шайка отпетых пацифистов-негодяев, портящих нам жизнь. Начали они три года тому назад с того, что похищали на наших складах ядерные боеголовки и утилизировали их, направляя на космических баржах в черные дыры. Мы тогда потеряли кучу оружия. Но к нашему счастью, они воровали не только у нас,

но и у нашего противника. Они фактически разоружили обе наши армии, и мы оказались на грани каменного века. Согласитесь, господа, потерять ядерную дубинку и взамен получить каменный топор неандертальца не совсем приятная перспектива. Но дальше стало совсем невыносимо... — продолжал свою горькую для любого военного исповедь генерал. — Дальше они научились каким-то образом превращать урановые рудники в свинцовые. Они научились искусственно стареть уран... И мы и вовсе потеряли возможность производить атомное оружие. Вы понимаете, господа, что деятельность этих агрессивных пацифистов-анархистов грозит самому существованию нашей древней профессии. Если у нас не будет оружия, человечество перестанет воевать. Оно перестанет тогда нас бояться, а значит, и уважать... Мы потеряем власть...

— Что такое «Атлантида»?

— Древний миф... Но Феникс восстановил его и облек в новейшие научные технологии. Что конкретно представляет собой этот проект, мы не знаем. Все наши попытки по внедрению своих агентов в эту систему оказались тщетными...

— Причина провала ваших агентов установлена?

— Да... Все они добровольно перешли на сторону неприятеля...

— Значит, вы плохо подбирали свои кадры... — весьма агрессивно перебил генерала прокурор.

— Это значит, что противник умеет ловко манипулировать нашим сознанием... — так же агрессивно ответил ему генерал.

— Технические параметры Атлантиды известны? — задал вновь вопрос сенатор.

— Из нашего досье мы точно знаем, что это некое сферическое космическое тело, по конфигурации действительно напоминающее описанную еще Платоном земную Атлантиду. Но этот межгалактический аппарат не подходит ни под одну нашу классификацию, из чего мы можем заключить, что он имеет автохтонное происхождение, то есть был изготовлен кустарным способом, но по современным технологиям.

— Зоны его появления?

— Везде, где нами ведутся военные действия... Он появляется повсюду в качестве третьей, нейтральной стороны. Помогает и мешает и вашим, и нашим. Но появляется буквально на считанные секунды для того, чтобы вновь исчезнуть... Отследить его сигнал передвижения не удастся. Мы полагаем, что он наблюдает за нашими военными действиями, собирает разведывательную информацию...

Подслушивавший их совещание Феникс с усмешкой покачал головой.

— С какой целью?

— С целью передачи ее неприятелю... Хотя, — несколько сконфузился генерал, — по нашим разведанным из стана республиканцев, они полагают, что Феникс шпионит в нашу пользу... Они думают, что «Атлантида» — это наш самый секретный проект... Из этого вытекает, что они тоже о нем ничего достоверного не знают.

— Кто такой Феникс?

— Личность весьма темная... Мы не знаем его настоящего имени. Феникс — это его кличка. По склонности мышления — бешеный пацифист! Люто ненавидит военных. Психопат. Склонен к чрезмерной агрессии и жестокости... Умело замечает следы. Трупы всех своих жертв уносит с собой. Подтирает даже мельчайшую каплю крови... Такой человек совершенно непредсказуем. Он — угроза нашей демократии, ибо возбуждает в людях древние суеверия о том, что человечеству можно прожить без властного управления! Короче, ультраанархист! Некоторые из-за этого усомнились в том, что война является единственным гарантом нашей свободы, нашего равенства и нашего братства. Вся человеческая цивилизация держалась на геноме войны. Выдерни этот стержень, и вся наша цивилизация моментально рухнет, рассыплется в одночасье.

Во время всего этого генеральского монолога Феникс внимательно ловил каждое его слово, тщетно пытаясь найти в поступаемой к нему информации хоть малейший намек на достоверность.

— Мне важно понять образ их мысли... — задумчиво проговорил сенатор. — Если вы узнаете, как мыслит ваш противник, вы сможете предугадывать его действия, а значит, и контролировать его...

— Судя по тем отрывочным контактам с ними, что мы имеем, у них весьма агрессивное и доисторическое мышление, — отвечал генерал. — Они все еще живут иллюзиями докосмической эры. Одно слово — мракобесы...

— Странно, что они при этом активно используют новейшие научные технологии... — удивился сенатор и, услышав где-то за своим ухом противное жужжание комара, нервно отмахнулся от него рукой. — Генерал! — обратился он к военному. — Прикажете провести дезинфекцию помещения! Откуда здесь у вас взялись земные комары?

— И тем не менее они все мракобесы, — не обращая никакого внимания на его замечание, продолжал генерал. — Они, например, утверждают, что это Солнце вращается вокруг Земли, а не Земля вокруг Солнца...

— Идиот! — воскликнул в сердцах Феникс, категорически не соглашаясь с услышанным о себе суждением. — Я говорил о том, что в древности Солнце вращалось вокруг Земли, когда еще не было звездой. Тогда Земля сама была звездой и пыталась стать черной дырой. Но Солнце ей помешало. Начинка Земли древнее начинки Солнца.

Он вспомнил, как его учитель, старый профессор Атлант Сергеевич рассказывал ему на лекции по космологии, что «из всех планет Солнечной системы только Земля имеет железную сердцевину. Все остальные планеты или газовые гиганты, или ХРЕНЬ! Солнце тоже в центре имеет жидкую железную начинку. Железо образовалось в результате ядерной реакции. По нашей гипотезе, Земля — это протосолнце, древняя реликтовая звезда, которая после гибели не стала черной дырой, а по каким-то причинам превратилась (деградировала) в планетное состояние, была затем захвачена новой звездой, встала на ее орбиту и притянула к себе одну из ее малых планет — Луну. Луна больше подходит для класса планет Венеры и Марса, чем Земля... Мы — дети Земли, ибо наша кровь представляет собой растворенный в биологии вид железа».

Но эти детские воспоминания быстро ушли из его памяти, вернув его в состояние объективной реальности. В его наушниках вновь послышались голоса его коварных оппонентов, вновь что-то замысливающих против его мира.

— Это аморальный, деклассированный сброд! К тому же они были замечены в попытке установления сексуальных связей с некоторыми нашими офицерами женского пола... — продолжал далее генерал. — Но мы своевременно пресекли эти насильственные действия и спасли честь нашей армии...

— И что, никаких следов?

— Это очень осторожная и хитрая банда... Они искусно заматают свои следы. При этом наши радары зафиксировали невероятную скорость их аппарата. Она движется со скоростью света... Она может мгновенно растаять в пространстве... Ясно, что в ее технические данные заложены какие-то новейшие технологии, которыми мы пока еще не обладаем.

— Что, и никакой зацепки у нас нет?

— Есть одна... — с явной неохотой поделился со всеми своей секретной информацией генерал. — На днях мы захватили одного военнопленного... По всем данным он с Атлантиды. Наши ученые сейчас бьются над дешифровкой его сознания. Все не так

просто, как кажется на первый взгляд. Как только мы его расколем, то сразу же получим новую дополнительную информацию о противнике.

— Время! Время! Дорого, мой генерал! — начал подгонять его сенатор. — У нас нет времени! Император поставил перед нами жесткое условие: обезвредить и ликвидировать Атлантиду до начала нового нашего наступления на республиканцев. Нам не нужна эта анархическая вольница в глубоком нашем тылу.

— Пора возвращаться из отпуска на «Атлантиду»... — решил Феникс, дослушав их совещание до конца, и вызвал космическое такси.

* * *

После завершения совещания генерал поспешил в допросную камеру, где над задержанным уже колдовали его специалисты по парапсихиатрии.

Арестант был молодой человек лет двадцати пяти, с короткой стрижкой и с синяком под левым глазом. Он спокойно сидел в кресле со связанными руками и ногами. В ушах его торчали какие-то антенны, а на лбу и груди виднелись датчики.

— Следы ареста? — поинтересовался у него генерал.

— Жаркая встреча в пивном баре... — с усмешкой отвечал тот.

— Вы по-прежнему отказываетесь называть свое имя?

— Вы все равно рано или поздно его узнаете, а мне спешить некуда...

— Н... да... Вот с такими отбросами общества нам приходится иметь дело... — посетовал на свою профессиональную работу генерал. — Ну что ж, приступим...

— Вы идете против движения эволюции... — усмехнулся пленник. — Против течения идти бессмысленно, если нет какой-нибудь грандиозной цели, которая бы оправдывала эти жертвы...

— Человечество давно уже отказалось от религии как зловредного суеверия дикарей. Мы отказались от семьи как ячейки общества и инкубатора по репродукции человека, заменив этот процесс передовыми научными технологиями. Мы отказались от многих рудиментов прошлого, мешающих нам жить, и стали по-настоящему счастливы. Но ересь, которую исповедует Феникс, несет в себе угрозу ниспровержения нашего мира. Этот еретик утверждает, что мы, то есть все прогрессивное человечество, должны теперь отказаться от политики и государства, а также положить конец войне как продукту политики. Но было бы полбеда, если бы он это только утверждал. Но он же активно нам вредит. Он насильственно везде уничтожает политику, государство и войну. Он утверждает, — распалился генерал, — что, уничтожив семью, мы покусились на любовь, а уничтожив религию — покусились на святое, что было в нашей душе. Но древние сами пришли к мысли о том, что их древний «бог умер». Мы лишь научно это доказали. Но только в наше время умерли все их священные писания. Все религии отжили и ушли в прошлое. Сегодня все атеисты и на Земле, и во всей Вселенной, нет ни одного религиозного храма. Вера в эмпирическую науку довела человечество до того, что еще в 2112 году был публично сожжен на термоядерном костре последний римский папа как самый зловредный мракобес религиозного фанатизма. После этого наша наука испытала необычайный подъем и расцвет. Тогда казалось, что с ведьмами и с черной магией было раз и навсегда покончено. И вот теперь явился этот Феникс, и все начало возвращаться назад. Человечество вновь уверовало во спасение. Оно опять начало верить в Атлантиду. А Атлантида — это миф, сказка для детей и выживших из ума стариков...

Пленник саркастически улыбнулся.

— Вам весело! Ему смешно! Вы мне не верите? А напрасно... Вы — изгои, отбросы общества! — продолжал далее давить на психику и мозги своего собеседника генерал. — На кого вы подняли руку? Против кого вы собрались выступить? По вашему лицу видно, что вы образованный человек! Как вы могли опуститься до того, чтобы перейти на сторону этих ублюдков? — Пленный загадочно улыбнулся. — Вы еще держитесь! Это хорошо! Bravo! Я как старый солдат умею ценить мужество, но не глупость... Вы перешли на сторону мрака. Силам тьмы удалось увлечь вас в свои кровавые дела. Но прозрение рано или поздно должно же к вам прийти. Если вы трезвомыслящий человек, а не какой-нибудь фанатик, вы должны понять, что против научно-технического прогресса не поперешь... Я предлагаю вам одуматься и перейти на нашу сторону. Вы видите, мои методы допроса, не в пример вашим, вполне гуманны...

— Вы можете привести хотя бы один случай кровавой расправы «Атлантиды» над вами?

— Конечно. Пример, новейшего четырехпалубного крейсера «Филадельфия», который погиб два года тому назад. — Пленник вновь загадочно улыбнулся. — На его борту было двенадцать тысяч солдат и офицеров, а у них были родственники, друзья, знакомые...

— Насколько мне известно, «Филадельфия» сама охотилась за «Атлантидой» и имела конкретный приказ на ее уничтожение...

— Откуда это вам известно? Но даже если и так, крейсер был военным, и приказы у него были военного характера. Но это не помешало «Атлантиде» его самой уничтожить. Вы нарушили конвенцию о правах военнопленных...

— «Атлантида» — это мирный проект.

— Докажите...

— У нее нет списка ее жертв. Крейсер «Филадельфия» стал частью ее научного эксперимента... Вы помните древний девиз: «Перекуем мечи на орала»? Так вот, жители Атлантиды именно так и поступили: они перековали крейсер на мирный корабль...

Генерал недоверчиво поежился, всем своим видом показывая, что он отказывается верить в эту несусветную чушь.

— «Атлантида» — это не проект какого-либо конкретного космического государства, а продукт творческой деятельности гражданского общества, — продолжал между тем его собеседник. — Мы объединились против всех сил зла, чтобы уничтожить войну как средство решения межчеловеческих конфликтов.

— В этот ваш пацифистский бред никто не поверит...

— И напрасно! Вы — генерал, привыкли всю жизнь воевать и разрушать... А что-нибудь создать вы когда-нибудь пробовали?

Офицер аналитической службы, бившейся над расшифровкой кода сознания военнопленного, подошел и протянул генералу какой-то планшет. Взглянув на него, Кларк улыбнулся и выпрямился.

— Ну наконец-то! — Обрадованно вскочил он с места. — Мы вас все-таки раскололи... Ба! Какая неожиданная встреча! — Всплеснул он руками, прочитав досье военнопленного. — Вы, оказывается, лейтенант нашего шестого межгалактического флота... Дезертир, значит... Что? — Изменился он в лице, дальше ознакомившись с досье своего собеседника. — Вы были на крейсере «Филадельфия»? Вы лейтенант Грецки? Не может быть! Крейсер «Филадельфия» погиб два года назад в туманности Андромеды. В живых никого не осталось...

— Выходит, что не так...

— Расскажите все, как было. Вас взяли в плен? Вас пытали?

— Нас взяли в плен, но не пытали... Мы сами добровольно перешли на их сторону, потому что устали гоняться за призраками...

— Я отказываюсь верить в то, что современный боевой корабль с проверенным экипажем перешел целиком и полностью на сторону противника... Я не поверю, чтобы командор Фултон мог просто так сдаться... Это мой боевой товарищ, стойкий воин... Расскажите, как он погиб?

— Командора Фултона я видел неделю назад здоровым и веселым...

— Я вам не верю! Это блеф! Это обман...

— Я могу назвать вам код его ДНК, и вы сможете позвонить ему сами и убедиться в том, что он жив и здоров...

— Это все подстроено вами...

— Даже то, что и я сам с корабля «Филадельфия»?

— Феникс хитер... Раз он сумел захватить такой крейсер, как ваш, что ему стоит провернуть еще одну такую же операцию? И вообще, вы хотите чтобы я поверил в то, что якобы мирный корабль «Атлантида» захватил военный крейсер?! Ха-ха! Не смешно! Проклятые насекомые! — Вновь он услышал противное жужжание где-то позади своего уха. — Почему до сих пор не провели дезинфекцию?

— Вы полагаете, что ваш дендрот «Титан» неуязвим...— спросил генерала пленник, серьезно глядя ему в глаза.

— То, что вы мне тут рассказываете, детские сказки! Меня этим не удивить!

— Как и жужжанием земного комара?!

— Время! — напомнил генералу его внутренний секретарь-референт. — Пора бежать на следующее совещание! Вы интересный собеседник, лейтенант, продолжим наш разговор в следующий раз...

* * *

Полученную информацию о крейсере «Филадельфия» и ее героически не погибшем экипаже нужно было еще как-то переварить. И генерал преднамеренно взял паузу, чтобы не сорваться на истерическую реакцию.

В конференц-зале, куда он вошел последним, уже находились знакомые ему лица (сенатор и прокурор) и новый человек — бравый капитан по специальным операциям (космический спецназ).

— Генерал! — обратился к нему сенатор. — Введите капитана в курс дела... Мы в общих чертах ему объяснили, за кем ему предстоит охотиться, но технические подробности за вами...

Генерал не стал уходить в дебри предыстории и начал с основного:

— Это неопознанный космический объект появляется за несколько секунд до какой-либо катастрофы, каким-то образом останавливает время, эвакуирует всех пассажиров и членов экипажа с космических кораблей, которые затем взрываются, но уже без людей. Выжившие рассказывают, что этот неопознанный объект представляет собой огромный космический госпиталь, где трудятся тысячи врачей со всех уголков Вселенной. У них современное медицинское оборудование, последние новейшие технологии... После лечения и реабилитации больные возвращаются в мир — их высаживают на отдаленных планетах, где существуют многочисленные колонии. Те, кто побывал на этом корабле, кого нам удалось допросить, говорят, что командира корабля все называют «Атлантом», а сам корабль «Атлантида». Вот все, что нам известно о нем на сегодняшний день. Мы получили от нашего командования приказ выследить «Атлантиду» и захватить ее в целостности и сохранности... Вопрос: как это сделать?

— Как сделать?! Элементарно! — самонадеянно усмехнулся капитан. — Надо подать сигнал бедствия, и он сам к нам прилетит. А когда мои штурмовики окажутся на его борту, они его легко захватят...

— Вы думаете, мы этого не пробовали без вас уже сделать? — усмехнулся генерал. — У нас ничего не получилось. Он нас раскусил, и стало только хуже. Вы не представляете, насколько хуже... — многозначительно добавил он, не объясняя, как именно стало хуже (хуже, и все!). — Но самое главное, — продолжал далее посвящать их в курс дела генерал, — нам совершенно неизвестна природа функционирования этого корабля. Физика его движения выходит за рамки наших научных представлений: он появляется из ниоткуда и исчезает в никуда... Он, как «летучий голландец», неуловим... Просто растворяется в пространстве и пропадает во времени... Нам позарез нужны эти его высокие технологии. Это фактически корабль-невидимка... При этом предупреждаю: на нем нет никакого вооружения, это сугубо гражданский корабль. Но он своими действиями дискредитирует наш военно-космический флот и саму идею войны! Проклятые пацифисты! — невольно вырвалось из гневной груди генерала. — Вечно суют свой длинный нос в чужие дела! Он мешает нам воевать и этим препятствует нашему развитию.

— Генерал несколько упрощает это дело, — вздохнул, видимо, больше осведомленный в этой истории сенатор. — Ему как военному свойственно все упрощать...

— Объясни... — С нескрываемым презрением посмотрел в его сторону генерал.

— Вообще, вся эта история с «Атлантидой» началась с того, что эти отморожки разгромили лабораторию «двадцать четвертого хромосома», — загадочно обронил сенатор.

— Что за хрень? — недоверчиво ухмыльнулся генерал.

— Вам, военным, этого все равно не понять...

— Вы что, нас считаете всех за законченных тупиц? Потрудитесь как следует объяснить!

— Не обижайтесь, генерал, но вы никогда углубленно не занимались научными проблемами. Все ваши научные познания поверхностные, в кадетском корпусе вы понахватались лишь азов...

— И все-таки хотелось бы знать, что это за история, с чего все началось?

— Эта была лаборатория по созданию сверхчеловека...

— Ах, это... — разочарованно выдохнул генерал. — Вы же не хуже моего знаете, что наша Академия наук давно запретила даже принимать к рассмотрению проекты на изобретения вечного двигателя и сверхчеловека...

— Это проблемы нашей Академии наук... — усмехнулся ему в ответ сенатор. — А лаборатория «Нового Адама» была новейшим словом нашей науки. Но что-то, как всегда, у ученых пошло не так, и подопытные восстали и сами решили взять все исследования в свои руки... Так и родился их проект «Атлантида»... Мы поимели такую головную боль, которая нам и в самых страшных кошмарах не снилась... Но это специальная информация, я не имею ее перед вами раскрывать: у вас нет необходимого уровня допуска к имперским секретам...

Генерал презрительно усмехнулся.

«В арсенале военных есть такие спецсредства допроса, — подумал он, — которые вам не снились. Поэтому стоит мне только захотеть, тебя, старый болван, мои молодцы распотрошат до последнего нейрона...»

И судя по всему, так бы и сложился их тогдашний диалог, но обстоятельства более высокого уровня помешали генералу осуществить свои тайные планы.

Совещание было прервано на самом интересном тем, что двери конференц-зала широко растворились, и в ним вошла какая-то группа незнакомых им людей.

— Разрешите представиться, — обратился к собравшимся их предводитель, — меня зовут Феникс, я командир «Атлантиды»... — Генерал хотел было выругаться, но не успел. — Пока вы здесь совещались, генерал, мы захватили ваш «Титан» и полностью его разоружили...

Генерал инстинктивно вскочил с места, чтобы отдать своим командосам приказ, но тут же безвольно оцепенел, увидев среди вошедших бунтовщиков знакомое лицо:

— Командор Фултон! Ты жив, дружище?! Вот так встреча...

* * *

Встреча была действительно неожиданной.

Еще больше она таила неожиданных и неприятных сюрпризов.

— Обычно в подобных случаях генералы стреляются... — усмехнулся Феникс. — Но я вам этого не советую делать, пропустите самое интересное...

Главарь бунтовщиков спокойно сел во главе стола напротив генерала и положил руки на стол.

— Вы тут говорили о проекте «Новый Адам»... Мы изменили этот проект, когда достигли в своем развитии определенного уровня... Мы восстали, чтобы не попасть в ваши руки, генерал. В руки военных. Мы решили, что не являемся убийцами. Мы занялись противоположным — медициной, чтобы спасти тех, кто становится жертвами ваших войн... В сравнении с вами мы сверхлюди...

— А мы, следовательно, нелюди... — трагически заметил генерал.

— Это согласно вашей примитивной классификации... — возразил Феникс. — По нашей классификации вы просто застрявшие в своем развитии персоны, которые нуждаются в нашей помощи...

— И кто я по этой вашей классификации? — поинтересовался у Феникса генерал.

— Извините, генерал, но вы всего лишь простой «верблюд»... Но хуже вас только господин сенатор — он «белокурая бестия», он «лев»... Он истинный разрушитель, но ничего ценного создать не может, поэтому и манипулирует такими, как вы...

— Не слушай его! — Поспешил отмахнуться от всей этой чуши сенатор. — Ты же видишь, он хочет нас разъединить, чтобы поработить...

— Задача сверхчеловека отвергнуть зло как главный пережиток своего животного начала. Новые ценности должны быть основаны на морали и добре, а не на материальном достатке и погоне за наживой. Ваша англосаксонская психология давно и безнадёжно устарела...

— Это ваше утверждение противоречит основным социальным законам нашего общества...

— Во Вселенной есть много такого, что не соответствует законам вашей науки. Пчелы, например, по всем законам физики не должны летать, поскольку имеют толстое тело и короткие крылья. Но им плевать на наши законы. Они летают...

— Но судя по всему, мы отлетались... — заметил генерал. — Мы ваши враги и по законам военного времени подлежим уничтожению... Чем тогда вы отличаетесь от нас?

— Это по вашим законам мы должны вас всех уничтожить, но не по нашим... — возразил ему космический пацифист и анархист. — По нашим законам вы отправитесь в карантин на лечение, а дальше сами примете свое решение... Ваш друг командор Фултон поможет вам преодолеть синдром войны... С сенатором, думаю, будет все намного сложнее, мы его отправим с посланием к императору, чтобы он передал ему наш ультиматум... Да-да, именно ультиматум... Если он не примет наши условия, то в следующий раз мы явимся к нему со смиренной рубашкой для буйнопомешанных...

— Еще ничего не кончено... — уперто твердил про себя генерал. — Мы еще повоюем...

— Вы запутались в своих великих делах, которые на деле оказались не столь великими, как вы их оценивали... Смотрите себе под ноги, и вы увидите звезды...

Сенатора вывели и вручили ему объявленное послание к межгалактическому императору.

— Что касается вас, генерал, то вам и вашим подчиненным предстоит длительный период реабилитации... Мы отобрали у вас любимую игрушку — оружие... У вас сейчас начнутся ломки, как у наркомана. Но вы их преодолете и вернетесь в нормальное состояние... Поверьте мне, у нас богатый опыт по возвращению людей к нормальной мирной жизни...

— Не будем загадывать наперед... — Все еще никак не мог смириться со своим поражением генерал. — Я тоже сегодня с утра строил планы и проводил совещания... И чем все это закончилось?

— Мне всегда была не совсем ясна формула *«Живи днем сегодняшним»*, — поспешил ответить ему Феникс. — Мне она казалась какой-то несерьезной, лишенной перспективы. Поэтому я всегда к ней добавлял: *«Живи днем сегодняшним ради дня завтрашнего»*. Я привык все планировать наперед... В противном случае меня бы сейчас здесь не было...

— Меня интересует всего лишь один технический вопрос, — поинтересовался у Феникса генерал, стоя уже в дверях конференц-зала. — Как ваша «Атлантида» переходит на световую скорость?

— Никак. — Искренне улыбнулся ему тот в ответ. — Это невозможно сделать. Поэтому мы овладели другой невозможностью... Мы открыли одну фантастическую формулу уменьшения объекта в его технических размерах... Бац! — Он демонстративно щелкнул пальцами. — И ваш объект уменьшился в разы... Становится невидимым для обычного глаза и технических средств разведки... Кстати, генерал, это давеча не комар пищал у вас за ухом... Это летала вокруг вас сама «Атлантида»! Как можно быть таким невнимательным?!